Хвостатые приключения

Анастасия Лунная

Ибо это не я – это лапки и хвост

Анастасия Лунная

Хвостатые приключения

https://litres.ru/74936372
SelfPub; 2026

Аннотация

Я — Линда, и я «бракованный» тарх. Я никогда не знала своих родителей и всё детство провела на рудниках. Мне повезло, и я смогла сбежать! Чтобы выжить на улице, научилась воровать. И кто бы мог подумать, что случайно украденный мной камень через несколько лет принесёт столько хлопот! Но худо без добра не бывает: этот случай откроет много тайн моего прошлого. Эх, теперь бы с этим всем както разобраться. ..

Содержание

Глава 1. Караул! Меня украли! 4
Глава 2. Торги за ценный мех. 16
Глава 3. Маленькая тайна кошечки. 26
Глава 4. Ведьмы. 32
Глава 5. Побег. 37
Глава 6. Шахты и тайны. 50
Конец ознакомительного фрагмента. 62

Анастасия Лунная
Хвостатые приключения

Глава 1. Караул! Меня украли!

Я, Линда. Из расы тархов. Все бы ничего, но я… бракованная! У всех моих сородичей либо рыжий, либо угольно-черный мех, они размером с среднего человека, с кинжалами-когтями и карими глазами. У всех две ипостаси.

Я же немного не удалась. Альбинос по всем параметрам: даже глаза голубые. Размер обычной кошки, а когти… короче, просто кошачьи, но они крепче любого алмаза (замки ими вскрывать — одно удовольствие!). Я не могу менять ипостась полностью: вечно торчат уши (что удобно, когда сваливаешь с места приключений) и моя гордость — хвост! Вот им меня богиня не обделила: длинный, пушистый, гибкий и магнит для приключений! Мой хвост — моя прелесть! Конечно, как и все тархи, я невосприимчива к магии: идеальная ментальная защита и иммунитет к ядам — ведь наши когти сами содержат яд.

Но есть ещё одна проблема: ещё в детстве, когда я была котёнком, меня прокляли. Было бы ещё за что! А так… Ну, сперла я у лесной хинды непонятный камушек — блестящий такой, красивый, в виде беличьей лапки. Грех было не по-

трогать! И вообще, я собиралась его чуть позже вернуть.

Но нет же: эта нечисть начала орать и кидаться проклятиями. И вот мне бы бежать — быстрее, ловчее, — а я стояла, хлопая лапками, и запоминая её эпитеты и речевые обороты. Дохлопалась — и получила! Теперь я без перчаток из шёлка шиарских пауков и шагу не ступаю. Любой маг, до которого я касаюсь, теряет магию, а я взамен обзавожусь новой проблемой: злым магом, да ещё и непонятными способностями. Вроде и штука классная, но эффект недолгий, откат тяжёлый — и в итоге я полностью остаюсь без магии.

И вот гуляла я по нашему континенту спокойно целых пять лет: то тут случайно «одолжу» камушек, то там прохожий уронит что-нибудь, то окошко окажется неприлично хорошо открытым… В общем, не грустила и жила себе припеваючи — до недавнего часа. А потом меня саму спёрли! Не я, а меня!

Уже целый час эти невежливые грахи болтают меня в мешке. Такая наглость — даже не сказали, куда и зачем! Нус, ребятки, я этого не прощу. Посмотрим, что вы задумали. А пока побуду хорошей и пушистой кошечкой… И вот несли меня, несли — и наконец донесли. Прошу заметить, что совсем не нежно: попросту шарахнули мой мешок об пол.

Хотя нет, ошибочка — не об пол, а об стол. Но разница небольшая: хвост всё равно отбила. Я высунула голову из мешка, чтобы осмотреться. Итак, большой кабинет в стиле минимализма — ну да, ну да, будто ктото всерьёз думал об

уюте. Из мебели я успела разглядеть только шкаф с непонятными книгами, стол — собственно, тот самый, на который меня плюхнули, — и вроде бы стул, но не факт. В кабинете царил мрак: горел лишь магсветильник на столе, изза чего сидящего напротив человека невозможно было разглядеть. «Зато атмосфера, — подумала я про себя, — прям пять звёзд: стильно, мрачно, максимально неуютно».

Ах да, ещё двое «неджентельменов» бандитской наружности стояли неподалёку. Причём один из них держал мой мешок за края — видимо, боялся, что я свалю. Ну-ну, будто я в этом мешке балериной крутиться собираюсь. Да я и стоя-то на одной лапе не устою, если хвост отбила! — Правильно переживает, я могу, я свалю! Вот только сдвинься, милок, ещё чуть правее — чтоб дверь лучше видно было и…

Я уже мысленно прикинула траекторию: два шага до косяка, прыжок, когти в пол — и поминай как звали. Даже успела представить, как этот мешок останется тут, будто улика в нелепом детективе.

— Даже не думай… Киса… — грубый, низкий голос прервал мой план побега.

Мама дорогая! Я знаю этот голос… Только не это. Богиня, прошу, пусть лучше вурдалак, хоть сам демон или грах — но только не он!

В ту же секунду все дерзкие расчёты рассыпались, как песок. Сердце ёкнуло и ухнуло куда-то в пятки, а пальцы невольно вцепились в грубую ткань мешка. Ну вот, только

разогналась мечтать о свободе — и тут он. Как всегда, вовремя.

Но я не из тех, кто сдаётся после провала плана А. В голове тут же щёлкнуло: ладно, план Б. Он, правда, пока состоял из трёх пунктов: «не паниковать», «не смотреть ему в глаза» и «ждать подходящего момента». А подходящий момент обязательно будет — я в это свято верила. Ну, почти свято.

— Вижу, узнала… Киииссса… — я гулко сглотнула вязкую слюну — и всю свою храбрость вместе с ней. Казалось бы, побелеть сильнее невозможно, но я справилась!

В голове крутился одинединственный вопрос: как? Как он меня нашёл? Я ведь была аккуратна и осторожна! Видимо, не очень. Медленно повернув голову на голос, я отчаянно надеялась, что мне показалось, что я ошиблась. Увы, нет.

Но даже в этой панике в голове щёлкнуло: план Б. Он, правда, был совсем не героический, зато практичный. «Ладно, — мелькнуло у меня, — если нельзя сбежать — надо тянуть время. Пусть говорит. Пусть хвастается. Пока он произносит пафосные речи, я прикину, чем бы швырнуть в магсветильник, чтобы тут стало хоть чуточку темнее. А там… там уже сориентируюсь».

Я чуть приподняла подбородок, стараясь выглядеть не загнанной в угол, а просто слегка недовольной. Ну, насколько это вообще возможно, когда сидишь в мешке, а перед тобой тот, кого лучше вообще никогда не встречать. Увы, но нет. Передо мной сидел сам господин Шархай Дремхольд —

он же инквизитор, он же тёмный палач, он же начальник службы безопасности города, он же наг и некромант… И моя большая проблема. Прям очень большая. Настолько большая, что резко захотелось удавиться на собственном хвосте.

«Ну вот, — пронеслось у меня в голове, — план Б официально признан несостоятельным. Тянуть время? Да он одним взглядом время сворачивает в трубочку. Швырнуть чемнибудь в светильник? Ага, и получить в ответ такое проклятие, что мой старый сувенир от лесной хинды покажется детской считалочкой».

Я чуть крепче вцепилась в ткань мешка, будто он мог хоть както защитить. И постаралась сделать вид, что эта встреча — просто досадное недоразумение, а не конец всех моих хитроумных планов.

— Можете быть свободны, — обратился он к моим похитителям, а я и забыла про них.

Те кивнули и молча ушли. Хлопнула дверь — и этот звук ударил по нервам, словно приговор. Мы остались вдвоём. Тишина стала густой, тяжёлой, будто сама комната затаила дыхание.

— Что же ты молчишь, кисса? — прошипел он. О, уже шипит. Только зашла, а он уже зол, как тысяча демонов.

«Ну да, ну да, — пронеслось у меня в голове, — я тут в мешке, вся такая тихая, потому что пытаюсь прикинуть, можно ли использовать этот магсветильник как отвлекающий манёвр или он сразу поймёт, что я собираюсь что-то

выкинуть. А ещё лучше — чтобы он сам отвлёкся. Хоть на секунду. Хоть на вздох».

Я сжала пальцы в кулаки, чувствуя, как под шерстью пробегает лёгкая дрожь. И заставила себя чуть приподнять подбородок — не от смелости, а просто чтобы не выглядеть совсем уж загнанной.

— Да молчу, потому что думаю, с какой фразы начать, — выдавила я, стараясь, чтобы голос звучал не испуганно, а скорее… раздражённо. Будто это он меня задержал, а не наоборот. — Может, с «вы не имеете права»? Или сразу с «да я вообще случайно тут»? Хотя нет, «случайно» звучит слабо…

Он чуть наклонил голову, и в полумраке его глаза на миг вспыхнули холодным зелёным светом.

И я тут же пожалела, что вообще открыла рот. А что мне говорить? «Здрасте, я тут мимо проносилась и решила заскочить»? Или: «Ой, давно не виделись, захотелось вас увидеть — чтоб потом поскорее забыть»? Или вообще: «Я тут нечаянно к вам попала, можно я пойду?»

Молчание затягивалось, а терпение нага явно кончалось. Об этом говорили желваки на лице и серебряная чешуя, проступившая на висках и скулах — будто металл проступал сквозь кожу от напряжения. Да уж, вот он, тёплый приём. Шархай не сводил с меня своего змеиного взгляда. Он буквально пригвождал к месту, сковывал страхом. Но я знала: если и дальше буду молчать — станет только хуже.

Собрав волю в лапу, я ляпнула первое, что пришло в голову:

— Ну… если честно, я всё ещё пытаюсь понять, это похищение или такая странная форма приглашения на чай? Если второе — то я, пожалуй, откажусь. У меня аллергия на… ну, скажем, на всё, что связано с допросами.

Уголок его губ едва заметно дёрнулся — то ли в намёке на усмешку, то ли от раздражения. И от этого мне стало одновременно и чуть спокойнее («значит, не сразу испепелит»), и в сто раз страшнее («значит, собирается поиграть»).

— ну… мяууу… — Богиня, что я несу?!

Зрачки нага вытянулись ещё сильнее — будто две узкие чёрные щели, в которых вообще не осталось ничего человеческого. «Лучше помолчу», — мелькнуло у меня, и я попыталась нырнуть обратно в мешок, спрятаться, слиться с грубой тканью, стать незаметной.

Но не тутто было. Меня нагло схватили за шкирку — не больно, но до обидного унизительно, как какуюто дворовую кошку, а я вообщето тарх! Меня подняли ровно на уровень этих змеиных глаз и хорошенько встряхнули — так, что зубы лязгнули.

— Буду краток, — голос Шархая звучал ровно, без крика, от чего становилось только страшнее. — Где камень равновесия?

— Ккакой ккамень равновесия? — от этого взгляда я начала заикаться, и уже радовалась, что вообще хоть чтото мо-

гу выговорить. Внутри всё дрожало, а в голове звенело пустотой. И тут паника сама вытолкнула из меня нелепую, отчаянную тираду:

— Да не было никакого камня! Ну, то есть… был один, совсем маленький, я его просто… подержала! Пять лет назад! А потом положила! Наверное… Или ветер унёс! Да, точно, ветер! Он такой сильный тогда был, прямо ураган, он всё подряд утаскивал — листья, шляпы, камни… Может, это вообще был не тот камень! Может, это просто булыжник, обычный, скучный, никакой не равновесный! Я вообще к нему почти не прикасалась, честно!

Я тараторила, не давая ему вставить ни слова, будто если скажу достаточно быстро и достаточно много, он вдруг поверит в эту гору бессвязных оправданий. А в глазах Шархая тем временем проскользнуло чтото вроде холодной, терпеливой усталости — как у учителя, который слушает самую безнадёжную отговорку в своей жизни.

— Тот, что ты украла два года назад у Ордина Тёмных ведьм! — рявкнул господин начальник службы безопасности, наконец потеряв терпение. Голос его громом прокатился по минималистичному кабинету, и даже магсветильник будто мигнул от напряжения.

— Ааа, тот самый камешек! — резко «вспомнила» я, и внутри чтото облегчённо ухнуло. Уфф… Так вот изза чего он так зол! А ято грешным делом подумала совсем о другом… Ну, фигня, надо отдать. Шкурка дороже, не казённая!

Вот только…

— Правда, его у меня нет, — развела я лапки, стараясь выглядеть не виноватой, а просто досадливо озадаченной.

Наг удивился. Ну, или ошалел — тут уж как посмотреть. Его змеиные зрачки на миг сузились до тонких нитей, а потом он вдруг резко разжал пальцы. Я шлёпнулась на стол, распластавшись, как мокрая тряпка, и пару секунд просто лежала, пытаясь осознать, что ещё жива.

Шархай откинулся на спинку стула, устало потёр лицо руками — так, будто разом постарел лет на десять — и посмотрел на меня подозрительно спокойно. Слишком спокойно. От этого спокойствия мурашки побежали по хребту куда бодрее, чем от любого крика.

— Нет, — повторил он тихо, словно пробуя слово на вкус. — Его у тебя нет.

И в этой тишине я вдруг поняла: самое страшное начинается именно сейчас — когда он перестал орать.

— В смысле? И где он? — вкрадчиво спросил он, пока я соскребала себя любимую со стола.

Я села напротив него, обняла хвостом лапки и честно призналась: — Не знаю!

Вот это взгляд… Вся гамма чувств пролетела в нём — от ярости до усталого неверия, будто он пытался одновременно решить сложнейшую загадку и не сорваться на крик. Казалось, ещё секунда — и у него давление долбанёт.

— Ты издеваешься? Ты хоть понимаешь, что это за ка-

мень? — голос инквизитора снова набрал высоту, и в нём зазвенела та самая сталь, изза которой люди признавались во всём ещё до начала допроса.

— Видимо, очень ценный, и вам очень нужный? — сипло спросила я, медленно отползая на край стола, будто это могло хоть както помочь.

Но не помогло. Меня перехватили. За хвост!

— И не вздумай дёргаться, — спокойно произнёс Шархай, удерживая меня ровно настолько, чтобы я чувствовала: вырваться не выйдет. — Этот «камешек» может открыть врата, которые лучше держать закрытыми. Его нельзя просто «потерять». Нельзя «отдать, когда найду». И уж точно нельзя делать вид, будто ты не понимаешь, о чём речь.

Я замерла, даже дышать старалась тише. В голове метались мысли, одна нелепее другой: «А если сказать, что его утащил уличный кот?», «А если прикинуться, что у меня амнезия?», «А если просто очень искренне заплакать?» Но ни одна из них не казалась хоть скольконибудь рабочей.

— Ну… — выдавила я, глядя на него снизу-вверх, — если он такой важный, может, вы мне поможете его найти? Я готова сотрудничать. Честно. Ну, почти честно.

Уголок его губ снова дёрнулся — то ли от раздражения, то ли от того, что вся эта ситуация казалась ему до абсурда нелепой.

— Ммяхв… — всё, что смогла сказать. Все возмущения встали поперёк горла, а на меня смотрели так, что я должна

была уже три раза вспыхнуть и осыпаться пеплом.

— Где камень? Я теряю терпение.

— Я вижу, — пролепетала я. Чешуи на лице Шархая прибавилось, и я решила поспешить с объяснениями, пока он не перешёл от слов к чемунибудь необратимому. — Но его правда у меня нет, и я не знаю, где он! В ту ночь у меня был сильный магический откат, и я потеряла сознание, как только смогла оторваться от… вас. — Я облизнула усы и продолжила, стараясь говорить чётко, будто от этого слова станут правдивее: — А когда пришла в себя, камня при мне не было. Ведь я сбегала вот так, — я показала на себя лапкой, — и мешочек с камнем был в зубах. Вот. — Закончила, прижав уши и глядя на него самыми честными глазами, на какие только была способна. — Я не знаю, что это за камень. Он был просто красивый, — тихо добавила в самом конце, почти шёпотом.

Инквизитор только устало закатил глаза. Чтото беззвучно прошептал в потолок — надеюсь, не проклятье, их мне и так хватает. Снова посмотрел на меня и тихо, почти ласково, прошипел:

— Это камень равновесия. Точнее, часть его. Древний артефакт. Ты умудрилась его украсть во время ритуала поиска второй половины, сорвать ведьмам план по созданию раскола Изнанки для захвата мира, уйти при этом живой — а потом просто просрать камень?! — Он перечислил всё это ровным тоном, лишь бровь чуть приподнял, будто ставил га-

лочки в списке самых нелепых катастроф.

— Ммм… Да, — выдала я своё короткое и, кажется, максимально провальное «всё верно».

— Ахринеть, — выдохнул он, и в этом слове прозвучало столько усталости, что даже мне на миг стало стыдно. Почти.

— Согласна, — выдохнула я, опустив уши ещё ниже. — Ведь я даже не подозревала, какой масштаб. Я просто хотела посмотреть камушек поближе, в спокойствии… Ведь ведьмы бы не дали даже потрогать — там такая «жабажадная» была. Думала, орден просто сорвал куш и не хочет, чтобы об этом ктото знал, а оказывается, тут такое…

— Кстати, весь Орден ищет тебя, — прервал мои сбивчивые оправдания Шархай, и голос его прозвучал ровно, но от этой ровности по хребту пробежал ледяной холодок. — И явно не для того, чтобы погладить по шёрстке, — припечатал он, будто поставил жирную точку в самом страшном приговоре.

Глава 2. Торги за ценный мех.

В голове разом щёлкнуло: если до этого я боялась только его, то теперь картинка сложилась целиком. Орден Тёмных ведьм, раскол Изнанки, камень равновесия — и я посреди всего этого, с виновато прижатыми ушами и хвостом, который сам собой пытался свернуться в тугой узел.

«Ну вот, — мелькнуло в панике, — сначала ты крадёшь артефакт, потом теряешь его, а теперь выясняется, что за тобой охотится целая армия ведьм. И единственный, кто пока не сжёг тебя на месте, — это тот, кто смотрит на тебя так, будто пытается решить, как вписать эту катастрофу в отчёт».

Я сглотнула и осторожно, почти не дыша, спросила:

— А… если я помогу его найти, это хоть немного исправит ситуацию? Ну, типа, сотрудничество со следствием?

Шархай помолчал, будто взвешивал каждое слово, а потом тихо, без насмешки, но и без особой надежды, произнёс:

— Ты сначала вспомни, где потеряла. А потом будем думать, что спасать — артефакт или тебя.

Шархай Дремхольд. Кабинет дознавателя.

После моей новости про Орден ушки кисы прижались к голове так, что казалось, их у неё и вовсе нет. Надо заметить — очень милые ушки. В её глазах плескались страх и полное непонимание. Неужели она и вправду думала, что, сперев у ведьм камень призыва, о ней все забудут? Какая наивность.

Или глупость. А что самое интересное — она даже не подозревала, во что вляпалась.

Смотря на неё, в душе чтото ёкало. Почемуто просыпалось желание пожалеть, погладить по головке, сказать, что всё будет хорошо — словно перед тобой не воровка со стажем, а маленькая напуганная девочка, которая напакостила и только сейчас узнала, что так делать нельзя.

Я медленно выдохнул, будто пытался стряхнуть с себя эту внезапную мягкость, и провёл ладонью по лицу, стирая тень сочувствия. Я не имел права жалеть. Не здесь. Не сейчас. Но голос всё равно прозвучал не так жёстко, как мог бы:

— Ты хоть понимаешь, сколько бед могла натворить одним этим «камушком»? Орден не просто так его искал. Для них этот артефакт — ключ. А ты его утащила, будто конфету из ларька.

Киса медленно кивнула, не поднимая глаз, и тихо прошептала:

— Понимаю… Теперь понимаю. И мне от этого ещё страшнее. Если Орден меня найдёт раньше, чем мы чтото придумаем… — Она сглотнула, а потом вдруг вскинула взгляд, в нём мелькнула отчаянная искра. — Но я правда хочу помочь! Я вспомню. Обязательно вспомню, куда он мог деться. Может, в ту ночь я его выронила гдето по пути… Или он зацепился за чтото… Я всё переберу, каждую мелочь, клянусь!

Шархай помолчал, взвешивая её слова. В нём боролись

холодный расчёт инквизитора и странное, неуместное желание уберечь эту нелепую, упрямую, бесконечно проблемную тарх от того, что её ждало. Наконец он чуть наклонил голову и произнёс уже не как судья, а почти как напарник, которому придётся работать с тем, что есть:

— Ладно. Начнём с самого начала. Расскажи всё. Каждую деталь той ночи. Даже ту, что кажется глупой. Даже ту, о которой стыдно. Потому что сейчас любая мелочь может оказаться следом.

И киса, судорожно втянув воздух, начала говорить. Сначала сбивчиво, потом всё ровнее, цепляясь за обрывки воспоминаний, будто за спасательные верёвки.

- Все что я помню, это то что у меня были совсем другие планы. Я собиралась прогуляться по лесу и пособирать травы для продажи. В какой-то момент зашла на поляну, причем сама не помню, как, была увлечена сбором арахты-зеленой. В последний момент поняла, что что-то не так. Было темно, хотя на улице был день, примерно обед вроде, а тут темно. Я еще подумала, ну не могла же я так увлечься и совсем упустить время, но потом уловила шёпот. Кто-то читал заклинание и за кустами ежевики я увидела круг тринадцати. Они пели, а в центре лежал камень и светился. И такой он красивый был! Я так сильно захотела его посмотреть поближе, что…я не помню, как он оказался у меня. Вот только смотрю и оп… я уже бегу с ним в зубах, а потом вы. Вы выскочили мне на встречу и не успев тормознуть я врезалась в

вас и коснулась. Тогда была вспышка и я отобрала «случайно» вашу магию, после чего от страха я рванула еще быстрей, не разбирая дороги. Магии было так много, что откат начался почти сразу после наших касаний а не через сутки, как обычно и я потеряла сознание. Все.

- Видимо артефакт набрал магию, что когда ты хапнула еще и моей магии ее стало так много что ты не выдержала такое количество и поэтому откат начался раньше и тебя вырубило…

— Я чтото не очень хочу близко общаться с ведьмами, тем более обиженными… — прервала она мои мысли.

Набрав полную грудь воздуха — и, видимо, храбрости, — это пушистое чудо выпалило на одном дыхании:

— Я готова помочь найти этот «счастливый» камешек. И очень не хочу к ведьмам! Готова во всём помогать и даже напишу чистосердечное, только не ведьмы! И желательно не казематы… — последнее произнесла так тихо, что я едва расслышал.

— Похвально, — ответил я спокойно, хотя и лукавил насчёт закона. — Но ты же понимаешь, что за воровство закон полагает наказание в десять лет рудников, минимум.

Её кошачьи глаза стали настолько огромными и полными ужаса, что я даже за переживал: как бы не ушла в обморок. Но нет — выстояла.

Чтото обдумав и, видимо, осознав всю гамму и спектр проблем, малышка опустила голову и обхватила её лапками.

Изза эти лапки донеслось тихое, но твёрдое:

— Что ж… Сама виновата. Рано или поздно это должно было случиться. Но лучше рудник — это уже не страшно и знакомо, чем ведьмы. На рудниках есть шанс выжить, а у ведьм — нет.

Она подняла глаза. И в них больше не было той детской непосредственности. Сейчас со мной говорила взрослая — пусть не женщина, но девушка. Которая прошла не очень хороший путь и видела немало. Стало интересно: кто же ты? Что в твоей маленькой жизни произошло, что заставило воровать и скитаться? Видимо, другого она не видела и не знала. Хотя и выбора у неё всё равно не было: либо казематы, либо смерть от ведьм.

— Хорошо, — начал я, подбирая слова так, чтобы не дать ложных надежд, но хоть немного удержать её от паники. — Есть предложение. Ты помогаешь найти камень, а я подумаю, как можно смягчить приговор. К этому обещаю сделать всё, чтобы ведьмы до тебя не добрались.

Она слушала, затаив дыхание, и с каждым моим словом в её глазах загоралась надежда — робкая, будто боящаяся поверить. Всё же, хоть она и воровка, в ней не было алчности, жестокости, злобы. Было видно, что воровство для неё — не порок, а способ выживания. И глупость. И отчаяние.

— Я согласна, — решительно произнесла она. Я так и думал.

— В таком случае перекидывайся и подпишем магиче-

ский договор о, так сказать, сотрудничестве.

— Зачем? — в её голосе прозвучало искреннее удивление, без подвоха, без игры — просто непонимание. Будто она до сих пор не привыкла, что в этом мире за каждое обещание нужно платить чемто большим, чем слово.

Я чуть наклонил голову, глядя на неё так, чтобы она почувствовала: сейчас не время для вопросов «почему», сейчас время принимать правила.

— Затем, что слово тарх для ведьм — пустой звук. А магический договор — это якорь. Он не даст тебе сбежать, когда станет страшно. И не даст мне забыть, что я тебе пообещал. Это защита. Для нас обоих.

Она помолчала, сжимая лапки, будто пыталась удержать в них всю свою решимость. Потом медленно кивнула:

— Ладно. Только… можно без лишней боли? Я и так сегодня столько раз пугалась, что хватит до конца года.

Уголок моих губ сам собой дёрнулся — не от веселья, а от странного, неуместного облегчения.

«— Постараюсь обойтись без лишней боли», — сказал я, доставая из ящика стола тонкий пергамент и серебряный стилус, на лезвии которого тускло мерцали руны. — Но помни: как только подпишешь — пути назад не будет, а еще что бы ты не слиняла при первой же возможности и не смогла уйти от наказания, и мне не пришлось гоняться за тобой снова по всей стране. – ага глазки забегали, неужели думала, что я настолько глуп, чтобы не ограничить ее, три раза ха-

ха. Шах и мат девочка.

— Ну, надо — значит, подпишем, — чтото обдумав, сказала она так, будто это её не особо касалось. Нуну, поверю… — Только не сегодня, — подумала и добавила: — И вообще не в ближайшие сутки.

— Это ещё почему? — удивился я такому манёвру.

— У меня откат. Ещё сутки не смогу перекинуться, — призналась она.

— Даже так… Ладно. Сейчас тебя проводят в комнату отдыха стражи. Приходи в себя. Как восстановишься — подпишем контракт и начнём работать. Нужны какиенибудь восстанавливающие зелья?

— Нет. Нужно просто подождать, — немного подумав, ответила она.

— В таком случае, — я активировал кристалл вызова охраны. Через секунду в кабинет зашёл дежурный.

— Проводите нашу гостью в комнату отдыха и проследите, чтобы не возникло никаких недоразумений. На двери повесьте охранную сеть — так, на всякий случай, — я выразительно посмотрел на «гостью». Та только фыркнула, спрыгнула со стола, мягко пружиня, подбежала к охраннику, посмотрела на него снизу-вверх и, картинно вздохнув, пропела:

— Веди меня, о ужасный страж, в темницу!

И выскочила за дверь. Охранник усмехнулся, кивнул и вышел следом. Я закатил глаза от этого цирка.

Теперь можно было заняться Орденом, но не дали. Дверь

распахнулась, и в кабинет вихрем влетел Гельт Вильстон — прекрасный сыщик, лучший проклятийник, боевой маг и, по совместительству, мой лучший друг. Он с ходу уселся в кресло напротив меня, и передо мной тут же появилась папка с досье.

— Привет, Шай! Вот что добыл по твоему запросу. Интересная штучка, скажу тебе, — он опёрся на стол. — Так, слушай. Настоящее имя — Линда Белая. Странная фамилия, да. А всё потому, что она из тархов.

Я удивлённо приподнял бровь: она совсем не походила на тарха — максимум на оборотня, а тут такой эксклюзив.

— Дада, ошибки быть не может, — кивнул Гельт на документы. — Там дальше свидетельство о регистрации рождения. Так вот, таких, как она, «бракованных», сами же родители отправляют в специальные колонии. Там из них растят обслуживающий персонал и рабочих для шахт. Естественно, их отлучают от рода и всех прав: для чистокровных они — мусор. У них на первом месте закон и принцип чистоты расы: если ты не такой, как все, сразу после рождения — дорога в колонию. Условия смягчили совсем недавно: раньше таких детей убивали прямо на месте. Правда, от этого жизнь в колониях легче не стала — условия похлеще, чем на невольничьих рынках. Система наказаний жестокая: за самую безобидную провинность — лишение еды и телесные наказания.

Вот почему рудники её не особо напугали: она и не такое

пережила.

— Как ты понял, наша Линда как раз из таких мест. Ей повезло — не представляю, каким образом, но она сбежала. Последние пять лет слонялась по континенту, то тут, то там. Промышляла воровством. И ты не поверишь, но не всё награбленное она оставляла себе: большую часть отдавала анонимно в городские приюты. В нашем городе приют при храме богини Ириди она уже взяла под свою лапу. Об этом говорят показания местной наставницы: она сообщила о трёх анонимных переводах кругленьких сумм на нужды храма.

Я приподнял бровь. Девочка с честью. Знает не понаслышке, каково там жить.

— И как давно она начала курировать наш приют? — я пытался прикинуть, сколько времени она находится в Ништаре, и сопоставить это с делами о кражах.

— Примерно два месяца. Понял, о чём ты. Вот список краж за это время — хоть и небольшой, но прибыльный. А судя по сметам храма, себе она почти ничего не оставила, — подтвердил мои мысли друг.

Я нашёл список и быстро пробежался по нему взглядом. Ничего особо ценного: кошельки, пара колье, несколько колец и пара браслетов. Не жадная.

— Ещё чтото есть на неё? — спросил я, изучая свидетельство о регистрации. Имя, фамилия, раса… Нашей кошечке двадцать один год. Как я и предполагал — ещё почти ребёнок, только второе совершеннолетие прошла.

— Нет. Нигде не училась — понятно, денег на это не было. Связей тоже. В бандах не состояла, в городах долго не задерживается, — отчитался друг.

— Понятно. Значит, наведаюсь в приют.

— Зачем? — не понял меня Гельт.

— Она взяла приют под лапу, значит, появлялась там, и чтото её зацепило. Не думаю, что туда каждый день ходят толпы посетителей. Её должны были запомнить. Хочу побольше о ней узнать. Ведьмы не просто так её выманивали.

Я направился к выходу.

— Логично. Ладно, а я тогда займусь камнем призыва. Ты его в хранилище отправил?

— Нет.

— В смысле? — удивился Гельт.

— Его у неё не было. Она его потеряла, — ответил я уже на выходе. Узнать реакцию друга не успел — активировал портал и переместился к приюту.

Глава 3. Маленькая тайна кошечки.

Шархай Дремхольд. Приют храма Ириди.

— Так говорите, в последние пару месяцев у вас не было посетителей и никого на работу не принимали? — уточнил я у настоятельницы.

— Нет, господин Дремхольд. У нас в храме уже три месяца карантин: дети болеют менингитом, и мы запретили все посещения, — ответила она. По её словам, никто не приходил и не нанимался на работу, и откуда взялись щедрые подарки, она не понимает, но очень благодарна: приют смог оплатить лечение всех детей.

— Хорошо. А…

Наш разговор прервал громкий плач. Девочка пронеслась мимо меня и прижалась к ноге настоятельницы.

— Что случилось, милая? — настоятельница присела на уровень малышки и, обняв, начала успокаивать.

— Она не пришла! Не пришла, но обещала! И она меня бросила! Я никому не нужна, даже кошке! — рыдала малышка лет пяти.

— Кошке? Алисия, но у нас нет кошек, и они не разговаривают, — пыталась достучаться до неё настоятельница.

А я, кажется, понял, какие кошки разговаривают.

— Есть! Она часто приходит поиграть, просто вы её не видели! — воскликнула девочка.

Кто бы сомневался, подумал я. Вот и разгадка: так она и навещала приют, оставаясь незамеченной.

Я присел перед девочкой и, погладив по голове, привлёк её внимание.

— Скажи, а твоя кошка белая?

— Дааа! И пушистая, красивая! — воскликнула малышка.

— И часто она приходит?

— Да, обычно пару раз в неделю. И обещала, что придёт вчера, но так и не пришла. Я ждала весь день и долго не могла уснуть ночью. Всё ждала и ждала, — жалобно протянула она.

— Можно я поговорю с малышкой наедине? — спросил я разрешения у настоятельницы.

— Если вам это чтото даст — пожалуйста. Правда, я не понимаю, о какой кошке она говорит, — развела руками женщина.

— Зато, кажется, я понимаю. Мы недолго, — заверил я её.

— Хорошо. Алисия, после беседы зайдёшь ко мне, ладно? — попросила она малютку. Та только кивнула и перевела взгляд на меня.

— Итак, расскажешь мне про свою подругу?

— А вы её не обидите? — нахмурив брови, воинственно спросила Алисия.

— Нет, что ты. Я её друг. Хочу помочь ей, поэтому рас-

скажи мне всё, что о ней знаешь, — признался я с улыбкой.

— Хорошо, — удовлетворившись ответом, начала рассказывать девочка.

По её словам, месяц назад, когда она заболела менингитом, её не пускали гулять. Тогда ночью она решила вылезти через окно на втором этаже по ветке, чтобы никто не видел, как она гуляет. Но когда она уже почти выбралась, ей резко стало плохо, и она чуть не упала. Её спасли: кошка держала её зубами за край платьица. С трудом подтянула и усадила на ветку, долго ругала за такой поступок. А узнав, что у Алисии нет друзей и она болеет, пообещала навещать её — и держала обещание. Но вчера нарушила его. Алисия искренне не понимала почему: ведь она вела себя хорошо и никого не обидела.

Я заверил малютку, что она тут совершенно ни при чём, и у кошки были просто срочные, очень срочные дела. И она обязательно к ней придёт.

Поговорив с девочкой, я отпустил её к настоятельнице, а сам вернулся к себе.

Что ж, кажется, в нашем городе Линда задержится надолго: теперь у неё появилась подопечная…

Я вернулся в кабинет, где Гельт всё ещё сидел, постукивая пальцами по папке, будто пытался выбить из неё новые сведения.

— Ну? — поднял он бровь, стоило мне появиться. — По глазам вижу: что-то есть.

Я коротко пересказал разговор с девочкой, с настоятельницей, про окно, про ветку и про то, как Линда — или, вернее, кошка Линда — держала её зубами за край платьица, не давая упасть. Гельт слушал, не перебивая, только лицо его становилось всё серьёзнее.

— То есть она не просто воровала, чтобы выжить, — медленно проговорил он, когда я закончил. — Она ещё и присматривала за кем-то. За этой малышкой.

— Да, — кивнул я. — И теперь понимаешь, почему она не могла просто сбежать, даже если бы захотела. Для Алисии она — единственная, кто приходит, кто держит обещание. Даже если это «просто кошка».

Гельт хмыкнул, но в этом звуке не было насмешки.

— И теперь она у тебя. Под охраной, под сетью, и без возможности перекинуться изза откат.

— Под «охраной», — я выделил слово едва заметной усмешкой. — Скорее под присмотром. И да, сутки она не сможет сменить облик. Это нам на руку: не сбежит. Но… — я помолчал, подбирая слова, — теперь я не уверен, что она вообще захочет сбежать. Не после того, как там, в приюте, ктото её ждёт.

Гельт откинулся на спинку кресла, задумчиво потёр подбородок.

«— Знаешь, Шай», — сказал он наконец, — ты обычно видишь в людях либо угрозу, либо инструмент. А тут… ты видишь человека. И это, честно говоря, пугает меня больше,

чем любой раскол Изнанки.

Я не стал спорить. Вместо этого достал из ящика тот самый пергамент договора и покрутил его в пальцах. Руны на нём тускло мерцали, будто чувствовали, что их час ещё не настал.

«— Договор мы подпишем», — произнёс я твёрдо, но без прежней жёсткости. — Правила есть правила. Но я сделаю так, чтобы она могла видеть эту девочку. Хоть раз в неделю. Хоть через решётку, если придётся. Потому что, если для Линды это единственное, что держит её здесь… значит, это тоже часть сделки.

Гельт долго смотрел на меня, потом медленно кивнул.

— Ладно. Тогда я займусь ведьмами. Они не будут сидеть сложа руки, особенно если поймут, что камень у неё был, а теперь его нет. А ты… — он ткнул пальцем в сторону двери, за которой, по сути, сейчас сидела Линда, — постарайся не сломать ей остатки гордости. Она и так всю жизнь только и делала, что выживала.

Я снова кивнул, на этот раз молча. Взял папку с досье, которую принёс Гельт, и открыл на странице со свидетельством о рождении. «Линда Белая. Тарх. Возраст: 21 год». В графе «родители» стояло сухое «отказ по расовому признаку». Ниже — номер колонии, дата зачисления, отметка о побеге.

«Бракованная», — так о ней сказали бы её собственные сородичи. Но глядя на эти строки, я вдруг подумал, что, может быть, именно то, что в ней было «не так», и делало её

способной на такие вещи: вытаскивать чужих детей из окон, отдавать награбленное в приюты, держать слово перед пятилетней девочкой, которая верила, что у неё есть подругакошка.

Я закрыл папку.

— Сначала — комната отдыха. Потом — договор. А потом… потом мы найдём этот камень. И постараемся, чтобы Орден Тёмных ведьм не добрался до неё раньше.

Гельт усмехнулся уголком рта.

— С тобой всегда «просто». Ладно, я пошёл. Если ведьмы сунутся в город — я дам знать.

Он исчез в мерцании портала, а я остался один, с папкой, пергаментом и мыслью, от которой становилось не по себе: мы ищем не просто артефакт. Мы пытаемся удержать на плаву ту, кто всю жизнь балансировала на краю.

Глава 4. Ведьмы.

Кабинет Шархайя Дремхольда, незадолго до полночи.

На столе вспыхнула сигнальная метка: тонкая руна, выжженная на полированном дубе, за пульсировала багровым. Я знал этот знак. Его ставили только в одном случае — Ведьмы.

— Проклятье, — пробормотал я, проводя пальцем по краю символа.

Я тут же активировал охранный контур кабинета — не просто сеть, а тройной барьер. Перед глазами вспыхнули строки, будто написанные чернилами из тени:

«Мы знаем, что ты её держишь. Отдай тарха до полуночи, или мы придём за ней сами. И не думай, что твои сети нас остановят».

Подпись не требовалась. Орден.

Я резко отодвинул кресло, чувствуя, как внутри всё сжалось. Не изза угрозы — я привык к угрозам. А изза того, что они знали. Знали, что Линда у меня. Не раздумывая, я метнулся к кристаллу связи и вызвал Гельта.

— Они сделали первый ход, — выпалил я, едва он появился в мерцании портала. — Только что пришла метка. Требуют отдать Линду до полуночи. Иначе придут сами.

Гельт мгновенно стал собранным, вся его привычная ироничная расслабленность исчезла.

— Где метка? — он шагнул к столу, не сводя глаз с пульсирующего символа.

— На столе. Свежая.

Он наклонился, осторожно провёл над ней ладонью, не касаясь, и нахмурился.

— Это не просто угроза, Шай. Это приглашение к игре. Они хотят, чтобы мы занервничали, попытались спрятать её гденибудь в глуши. А потом выследить. Ждут, что ты будешь действовать.

— И что ты предлагаешь? — я стиснул кулаки. — Просто сидеть и ждать, пока они появятся у ворот?

— Нет. Предлагаю сыграть на опережение. Раз они знают, что она у тебя, значит, следят. Значит, есть след. Я возьму поисковую нить, пойду по ней. А ты… — он посмотрел на меня твёрдо, — ты останься здесь. Укрепи периметр. И главное — не дай ей почувствовать, что что-то случилось. Если она решит, что ей грозит угроза может попытаться сбежать и тогда головной боли нам прибавиться.

Я кивнул. Он был прав. Если она почувствует, что пахнет жареным, наделает глупостей.

— Ещё одно, — добавил Гельт уже у самого портала, оборачиваясь. — Не верь в их сроки. «До полуночи» — это не точно. Это ловушка. Они придут раньше. Будь готов.

Портал схлопнулся, оставив после себя лишь лёгкое дрожание воздуха.

Я снова посмотрел на метку. Теперь она не просто пуль-

сировала — она будто насмехалась. Но я не собирался играть по их правилам.

Первым делом я связался с начальником стражи и удвоил посты у крыла, где держали Линду. Потом лично проверил охранную сеть на двери её комнаты: добавил блокирующие узлы, поставил сигнальные маячки на каждый коридор, ведущий туда. И только закончив, я наконец решился пойти туда сам.

Она сидела на узкой койке, подтянув лапки к груди, и смотрела в окно, за которым уже сгущались сумерки. Услышав шаги, она обернулась, и в её кошачьих глазах мелькнуло чтото вроде облегчения — будто она рада была видеть хоть одно знакомое лицо, даже если это лицо принадлежало тому, кто собирался отправить её на рудники.

— Ну что, страж порядка, — она попыталась улыбнуться, но улыбка вышла натянутой. — Опять пришёл напомнить, что я под арестом?

Я покачал головой и присел на край стола, стараясь выглядеть спокойнее, чем был.

— Пришёл сказать, что все хорошо и можешь отдыхать.

Она прищурилась, будто пыталась прочесть ложь по моим глазам.

— Ты плохо врёшь, Шай. Чтото случилось.

Я помолчал. И решил не лгать.

— Случилось. Ведьмы сделали первый ход. Прислали предупреждение. Это значит, что у нас есть время подгото-

виться.

Линда медленно опустила лапки, и вся её напускная бравада кудато исчезла.

— Значит, они ищут меня.

— Да. Но теперь они ищут не просто тебя. Им нужен камень. И пока они думают, что он у тебя, они будут давить.

Она вдруг обхватила себя лапами, будто ей стало холодно.

— Я правда его потеряла. Я не знаю, где он.

— Я верю тебе, — тихо сказал я. — И мы его найдём. Но сначала нужно пережить эту ночь.

Она кивнула, всё ещё не поднимая глаз.

— Знаешь, когда я жила в колонии, нам говорили, что ведьмы приходят за теми, кто слишком много знает. Или за теми, кто просто оказался не в том месте. Я всегда думала, что если, когданибудь встречу их, то просто закрою глаза и буду ждать конца. А теперь… теперь я не хочу, чтобы они добрались до меня или Алисии. Если они узнают про неё… Я не дура инквизитор, и понимаю, что ты уже в курсе про приют и понимаешь почему я не могу просто уйти, я и так опоздала на встречу.

Я наклонился вперёд и поймал её взгляд.

— Да, я уже знаю про маленькую подопечную кошки-воровки и даже замолвил словечко за непутевую кошку перед малышкой. Мы не дадим им приблизиться ни к тебе, ни к ней.

В её глазах мелькнуло сомнение, но следом — слабая ис-

кра доверия.

— Спасибо. Тогда… тогда я помогу. Как только смогу перекинуться, я смогу идти по запаху, по следам. Я знаю этот город лучше, чем ктолибо.

— Хорошо, — кивнул я. — Но пока ты восстанавливаешься, этим займутся другие. А твоя задача сейчас — не наделать глупостей, я про по пытки сбежать и действовать самой.

Она снова посмотрела в окно. Сумерки уже превратились в ночь, и первые звёзды зажглись над городом.

— Странно, — прошептала она. — Раньше ночь была моим другом. А сегодня она кажется врагом.

Я встал, собираясь уйти, но остановился у двери.

— Она не враг. Она просто ещё не знает, на чьей стороне будет рассвет.

Глава 5. Побег.

Он ушёл, а я сидела и старалась заставить себя вспомнить тот день как можно лучше. Было очень странно, что я плохо помнила его: всё будто в тумане, словно память вырезали клочками. Тут помню, тут не помню… Но чем больше я напрягалась, тем сильнее звенела голова. Через полчаса таких мучений я поняла: ещё чутьчуть — и мой мозг взорвётся мольбой о помощи.

Бросив это занятие, я решила размяться. Начала делать лёгкую разминку для позвоночника и лап — привычное движение помогало хоть немного унять дрожь в теле. Только я вытянула переднюю лапу, как стены сотряс мощный удар. Такой, будто в здание врезалась каменная лавина.

С потолка посыпалась пыль, густая, едкая, она тут же забилась в нос. Я закашлялась, отчаянно чихая, и отмахнулась хвостом, будто это могло разогнать серую взвесь.

Ну всё, сидеть больше некогда. Ведьмы пришли за моей шкуркой. Но фиг вам, называется! Она бесценная! Врагу не сдаётся наш гордый хвост!

Я метнулась к двери и прижалась ухом к холодному дереву. За стеной чтото грохотало, лязгало, слышались отрывистые выкрики — не на общем языке, а на ведьмовском наречии, тягучем и колючем, от которого волоски на загривке вставали дыбом.

«Так, спокойно, Линда, — прошептала я себе, пытаясь унять бешеное сердцебиение. — Паника съедает быстрее любого проклятия».

Но тут дверь дрогнула от нового удара — не снаружи, а изнутри: охранная сеть, которую повесили на проём, вспыхнула багровыми нитями, сдерживая напор. Руны на ней шипели, как разъярённые змеи, и медленно, по миллиметру, начинали тускнеть.

«Они знают, что я здесь».

Я огляделась. В комнате почти ничего не было: узкая койка, окно с решёткой, да в углу — ведро и грубое полотенце. Никакого оружия, никакой магии. Только инстинкты.

И вдруг взгляд зацепился за одну деталь: на стыке стены и пола, там, где кладка чуть расшаталась, виднелся тонкий край чегото металлического. Я метнулась туда, царапнула когтями по камню — и вытащила короткий обломок гвоздя, острый, с зазубринами. Смешно, конечно: против ведьмовских чар это как укус котёнка против бури. Но хоть что-то.

Снова удар, и на этот раз сеть не выдержала. Руны погасли с жалобным треском, дверь распахнулась, и в проёме возникла фигура в чёрном плаще — высокий силуэт, окутанный дымкой тёмной магии. Лицо скрывала тень, но я чувствовала, как от неё веет холодом, от которого кровь стыла в жилах.

— Вот ты где, маленькая воровка, — протянула ведьма тягуче, и её голос, казалось, проникал прямо в кости. — От-

дай камень!

Я попятилась, сжимая в лапе жалкий обломок гвоздя. И вдруг, вопреки всему, во мне вспыхнуло то самое упрямое, глупое чувство, которое всегда поднимало меня после падений.

— Неа, — выпалила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я его потеряла. И вообще, я тут по договорённости! У меня почти договор!

Ведьма медленно наклонила голову, и из тени проступила усмешка — холодная, без капли веселья.

— Договоренности не работают там, где говорим мы. А камень должен быть у нас. Сейчас.

Она шагнула вперёд, и воздух вокруг неё потемнел, словно сама тьма стекала с её плаща.

И тут позади ведьмы мелькнула другая тень — быстрая, плотная, знакомая. Шархай. Он не стал тратить время на слова: резким движением хвоста он швырнул ведьму в стену.

Ведьма отлетела к стене, Шархай метнулся ко мне, закрывая собой.

— Держись рядом, — коротко бросил он, не сводя глаз с проёма. — И не пытайся геройствовать.

Я хотела было возразить, что я вообщето не собиралась, но слова застряли в горле. Вместо этого я просто кивнула и прижалась к его боку, чувствуя, как сквозь бронь чешуи пробивается тепло живого тела.

— Они не одни, — тихо сказал он, прислушиваясь к гро-

хоту в коридорах. — Здесь целая группа. Нам нужно уходить.

— Куда? — прошептала я. — Они везде!

Он на секунду замер, а потом вдруг посмотрел на меня так, будто только сейчас увидел не заключённую, не воровку, а просто уставшую, напуганную тарх, которая отчаянно пытается не развалиться на части.

— Туда, где они не ждут. Вниз. В старые тоннели под стражей. Там сеть глушит любую магию. И там я смогу тебя спрятать, пока Гельт не подтянет подкрепление.

Я снова кивнула, на этот раз твёрже.

— Ладно. Веди. Только… — я сжала в лапе обломок гвоздя и вдруг швырнула его в сторону ведьмы, которая уже начала восстанавливать силы. Гвоздь звякнул о камень, отвлекая её на долю секунды. — Пусть знает, что я не совсем беззубая.

Шархай едва заметно усмехнулся краем губ.

— Пошли. И держись за мной.

Мы рванули по коридору, мимо вспыхивающих рун, мимо трескающихся стен, мимо теней, которые тянулись к нам, словно живые. А где-то далеко, за пределами этой бури, в приюте храма Ириди маленькая Алисия, наверное, всё ещё ждала свою белую пушистую подругу. И я вдруг поняла: сегодня я не имею права не вернуться.

Побег по туннелям занял около двух часов. Мысль спрятаться и переждать откинули сразу, как только Гельт связал-

ся с Шархаем по телепатической связи и сообщил, что ведьмы начали отступать: с центрального штаба прибыло подкрепление. Значит, можно было заняться более насущными делами.

Мы вышли, а кто-то и выполз, недалеко от центральной площади — в переулке Утех. И почемуто я даже не удивилась этому. В этом городе судьба будто нарочно сводила меня с самыми сомнительными местами. Пока Шархай осматривал переулок я залюбовалась им. Я так и застыла, забыв, что вообще собиралась делать. Перед глазами будто мир на секунду замер, а потом щёлкнул обратно — и я поняла, что стою, разинув рот, и пялюсь на нага в боевой трансформации.

А посмотреть и правда было на что. Высокий — метра два, не меньше, и это при том, что его хвост был свёрнут в два плотных кольца, будто пружина, готовая распрямиться в любой миг. Чёрная чешуя поблёскивала в свете ночного города, как иней на обсидиане: ни пятнышка, ни царапины — будто сама тьма собралась в броню. Кончик хвоста венчал длинный острый шип — такой пробьёт любую броню.

Я подняла взгляд выше… и тихо выдохнула: «Ооо…» Пресс и грудь покрывали мелкие чёрные чешуйки, плотно, как кольчуга. Стальные мышцы рук и шеи тоже были в чешуе, и от этого он казался не просто сильным — неукротимым. Лицо заострилось, черты стали резче, хищнее, а изпод низкого хвоста чёрных волос, достававших до лопаток, вы-

глядывали острые уши. «Как мило!» — мелькнуло у меня в голове, и я тут же мысленно себя одёрнула: мило — это котёнок, а это… это ходячая угроза с серебряными рунами. На спине и боках мягко светились защитные руны — серебристым, холодным светом, будто ктото вырезал на его коже лунный путь. Они не мерцали, не пульсировали — просто горели ровно, уверенно, как знак: «Не подходи».

— Ну что, налюбовалась? — голос у него был низкий, чуть хриплый, он привык отдавать приказы и не любил повторять дважды.

Я моргнула, пытаясь собрать мысли в кучу, и поспешно отвела взгляд — но не потому, что испугалась, а потому, что смотреть на него вот так, не моргая, было… неловко. И слишком притягательно.

— Прости, — пробормотала. — Просто… я нага в боевой форме ещё не видела. Красиво. В смысле… опасно. Очень опасно.

Уголок его рта чуть дрогнул — то ли усмешка, то ли попытка её сдержать.

— Рад, что оценила. Но лучше не отвлекайся. Мы не на смотринах.

Он повернул ко мне лицо и его серебряные глаза с вытянутым вертикальны зрачком словно гипнотизировали, мысли начали путаться, а в голове начал появляться туман.

— Демон, забыл предупредить: не смотри долго нагу в глаза. У нас врождённая способность гипнотизировать. Сей-

час пройдёт, — быстро отвернувшись, бросил Шай.

В голове тут же прояснилось.

Моргнула, раз другой.

— Отпустило? — спросил Шай, не поворачиваясь.

Я пару раз моргнула, прогоняя остатки того странного тумана, и выдохнула, будто сбрасывая с плеч невидимую тяжесть.

— Да, уже легче, — ответила чуть хрипловато, а потом, чтобы скрыть эту хрипотцу, поспешно добавила: — Я запомню: тебе в глаза не смотреть. А то мне вдруг захотелось выложить все свои нычки и покаяться во всех грехах — даже в тех, которых не совершала.

— Было бы неплохо. Повторим? — обернувшись, спросил наг с обманчиво милой улыбкой.

Я тут же уставилась на камень у себя под ногой так, будто от его текстуры зависела судьба всего города.

— Нет, спасибо, — буркнула, не поднимая глаз. — Мы ещё не настолько близко знакомы, чтобы я тебе нычки на лапу.

За спиной послышался тихий, чуть хрипловатый смешок.

— Принято. Учту.

Ой.

Шай коротко кивнул:

— В таверне «Три локтя» перекусим и дождёмся Гельта, — осматриваясь, сказал Шай. Он держался спокойно, но я замечала, как время от времени он чуть поворачивал голову,

прислушиваясь к чемуто, чего я не слышала.

— В таверне, так в таверне… — не стала я спорить. Просто тут неподалёку моя квартирка — можно было и там пересидеть.

Шархай покосился на меня, будто взвешивал, стоит ли вообще принимать в расчёт моё предложение.

— Твоя квартирка, — протянул он. — А она не числится в списках разыскиваемого жилья? Не стоит забывать, что Орден собирал на тебя досье.

Я поморщилась. Об этом я както не подумала.

— Ну, может, и числится…

— Именно поэтому туда и нельзя, — спокойно отрезал он.

Спорить было глупо. Я вздохнула и потёрла плечо — мышцы ныли после туннелей, пыли и бесконечного напряжения.

— Ладно. «Три локтя» так «Три локтя». Только… там хозяин не любит тархов. Говорит, мы слишком много шерсти оставляем.

Уголок рта Шая чуть дрогнул — почти улыбка, но не совсем.

— Сегодня он будет рад любому, кто платит серебром, а не проклятиями.

Таверна и правда выглядела так, будто повидала всё на свете: вывеска скрипела на ветру, краска облупилась, а в окнах мерцал тёплый, немного сальный свет. Внутри пахло жареным мясом, дешёвым элем и дымом — и это был, пожа-

луй, самый приятный запах за последние сутки.

Я моргнула. Ещё секунду назад тут был наг в боевой трансформации: два метра чистой угрозы, хвост кольцами, руны горят, взгляд такой, что мысли путаются. А теперь… теперь передо мной стоял Шай. Обычный Шай. Ну, насколько вообще можно назвать «обычным» главного инквизитора, который только что перекидывался в змееподобного воина.

Чёрная короткая куртка из кожи виверны — плотная, но лёгкая, будто ты не в броне, а в шёлковой рубашке. Брюки из той же кожи, заправленные в высокие сапоги, перчатки… Я невольно вздохнула, разглядывая этот идеальный боевой комплект.

— Вот бы мне такой костюмчик, — пробормотала я. Костюм из такой кожи — тысяча и один плюс. Бронебойная, удобная, не промокаемая, не продуваемая… В таком не страшен ни холод, ни жара.

Шай чуть приподнял бровь, поправил манжету.

— Это не просто костюм, — спокойно сказал он. — Кожа виверны сама по себе — артефакт. Она запоминает владельца. Если надеть её без привязки, она будет сковывать движения, пытаться сбросить. Так что «просто забрать и носить» не выйдет.

Я тут же сделала самые честные глаза.

— Ладно, ладно, не надо мне чужого. Своих проблем хватает.

— Чисто, — коротко бросил он. — Отлично, капитан оче-

видность, дальше что? — буркнула я, тут же прикрывая рот лапой, будто пыталась затолкать слова обратно. — Прости, нервы. Веди уже.

Едва мы вошли, хозяин, плотный мужчина с седой бородой, поднял голову, прищурился, потом скользнул взглядом по броне Шая — и тут же расплылся в широкой, хоть и не слишком искренней улыбке.

— Господин Дремхольд! Давненько не заглядывали. Чем могу служить?

— Стол в углу. И два горячих блюда. — коротко ответил Шай, не замедляя шага.

Хозяин кивнул и махнул рукой мальчишке-помощнику.

Мы сели в углу — спиной к стене, лицом к двери. Старая привычка любого, кто слишком часто оказывался в бегах. Шай снял перчатку и положил руку на стол, будто проверяя, достаточно ли он твёрд, чтобы не упасть от усталости. Я же просто вцепилась пальцами в край столешницы, чувствуя, как дрожь понемногу отпускает.

— Так что теперь? — тихо спросила я, когда мальчишка принёс две глубокие миски с густым рагу и кружки с горячим травяным чаем. От запаха у меня закружилась голова — я и не помнила, когда в последний раз ела чтото горячее и не украденное.

Шай помешал ложкой рагу, будто искал в нём ответы.

— Теперь ждём Гельта. Он должен принести свежие сведения: куда отступили ведьмы, есть ли следы камня, не оста-

вили ли они гдето зацепку. А потом… потом будем решать, как действовать дальше.

Я кивнула, но есть не спешила. Вместо этого посмотрела на Шая и вдруг спросила:

— Ты ведь не отдашь меня им. Даже если камень не найдём. Правда?

Он поднял глаза. В них не было ни раздражения, ни снисхождения — только усталость и чтото ещё, чему я не знала названия.

«— Не отдам», — сказал он просто. — Не потому, что ты мне нравишься. И не потому, что верю в твою невиновность. А потому, что жизнь дороже всего и я все же страж порядка, это моя работа. Не дать тебе умереть.

Я опустила взгляд, чувствуя, как к горлу подступает комок.

— Спасибо, — прошептала я.

— Не благодари. Это не доброта. Это… принципиальность. И, возможно, глупость.

В этот момент дверь таверны распахнулась, и внутрь ворвался Гельт. На нём не было ни капли пыли, ни царапины — будто он не участвовал в отражении атаки, а только что вышел из бальной залы. Он окинул взглядом зал, нашёл нас и направился прямо к столу.

— Ну что, герои подземелий, — усмехнулся он, усаживаясь, напротив. — Ведьмы отступили, но это не значит, что они сдались. Они просто сменили тактику. И у меня есть ко-

ечто, что вам не понравится.

Шай напрягся, будто снова приготовился к удару.

— Говори.

Гельт достал из внутреннего кармана сложенный пергамент и положил его на стол.

— На площади только что повесили новый розыскной плакат. С твоим лицом, Линда. И там не просто «разыскивается». Там написано: «Особо опасна. Связана с кражей артефакта. И подпись — не городская стража. Это уже прямой приказ сверху. Ктото в совете работает на них.

Я почувствовала, как кровь отхлынула от лица.

— То есть теперь даже стражники будут меня сдавать?

— Да, — коротко сказал Гельт. — Любой, кто увидит тебя, обязан сообщить. Или сам попытается схватить, чтобы получить награду.

Шай медленно сжал кулаки, а потом так же медленно разжал их, будто заставлял себя оставаться спокойным.

— Значит, действовать нужно быстро. Пока они думают, что камень у неё. Если мы найдём его раньше…

— Если, — подчеркнул Гельт. — Но есть и хорошая новость. В отчётах патрулей есть упоминание о странном всплеске магии в районе старых шахт. Совсем слабый, но характерный. Такой, какой бывает, когда артефакт пытается «пробудиться» рядом с подходящей энергией.

Я вдруг замерла, а в голове щёлкнуло чтото, словно сдвинулся кусочек мозаики.

— Старые шахты… — прошептала я. — Я… я могла пройти там. В тот вечер. Я бежала, петляла, пыталась сбросить хвост. И вроде бы… вроде бы зацепилась чемто за ржавую цепь у входа. Может, камень выпал тогда?

Все посмотрели на меня. В их взглядах было не столько удивление, сколько надежда — осторожная, будто боялись спугнуть.

— Это серьёзно, Линда, — тихо сказал Шай. — Это первая реальная зацепка.

Я сжала кулаки, чувствуя, как внутри поднимается чтото новое — не страх, а решимость.

— Тогда идём туда. Потому что, если камень там, его нельзя оставлять ведьмам.

Глава 6. Шахты и тайны.

После новостей от Гельта мысли в голове скакали, как пьяные блохи. Я всё не могла поверить, насколько вляпалась по самые мои кошачьи ушки. Казалось, куда ни глянь — везде враги, и пушистый писец уже не просто гдето рядом, а прямо на плече сидит и ухмыляется. А впереди ещё и Шахты. Нет, не так: Шахты! С большой буквы, тяжёлые, мрачные, будто сами по себе — отдельное проклятие.

«Богиня, дай сил пережить этот момент и не сойти с ума», — прошептала я, вцепившись когтями в грубое одеяло.

Воспоминания накатывали волнами, таща за собой шлейф страха и безысходности: холодные коридоры колонии, лязг цепей, тяжёлый запах сырости и железа, окрики надзирателей, от которых хотелось вжаться в пол и стать невидимой. Я зажмурилась, пытаясь отогнать эти картины, но они цеплялись, впивались когтями, не отпускали.

— Нет, хватит! Я больше не там! Я свободна! — со злостью ударила лапой по постели. Удар вышел глухим, но в груди от него будто чтото щёлкнуло, встало на место. — Нужно собраться. Хватит бояться. Я больше не тот забитый котёнок. И со мной два сильных защитника.

С этими мыслями я поднялась с кровати, глубоко вдохнула. Воздух в комнате был тёплым, пах деревом, воском и чутьчуть — жареным луком из зала внизу. Обычный, земной

запах. Он помогал держаться за реальность.

Вчера я так устала, что даже не помнила, как добралась до этой комнаты. Её снял для меня Гельт — в той же таверне, где мы ужинали. Простая, но чистая: кровать, сундук, стул, на стене — тусклое зеркало, в углу — умывальник с кувшином. Никакой роскоши, но сейчас мне и этого было достаточно.

Я подошла к окну, приоткрыла ставню. За стеклом серела предрассветная дымка, город ещё спал, только гдето вдалеке лаяла собака, да на соседней улице скрипнула телега. Спокойно. Почти мирно.

— Почти, — пробормотала я и усмехнулась своим же словам.

Все же теплилась надежда, что какимто чудом меня занесло туда два года назад — и именно там я потеряла этот злосчастный камень, который украла, даже не помня, как. Странное дело, если камень там, то почему только сейчас начал «фонить»? Почему молчал два года? И почему только сейчас все всполошились изза него? Два года тишины…

Нужно будет об этом спросить Шая — может, есть этому простое объяснение. У магов вечно какиенибудь циклы, фазы луны, всплески энергии… а я в этом не разбираюсь. Но если он скажет «так бывает» — я хотя бы перестану ломать голову.

А пока… пока нужно попробовать сменить облик. Лапки — это, конечно, мило, но кушать руками и пить вино, на-

много удобнее. Да и разговаривать с Шаем и Гельтом, глядя на них снизу-вверх, уже порядком надоело.

Я встала на середину комнаты, чтобы при обороте не снести кровать и стол. Комнатка была крохотной и находилась под самой крышей: места в ней было очень мало минимум, но зато чисто. За это отдельное спасибо.

Таверна в таком месте сама по себе вызывала подозрения насчёт чистоты, но, видимо, хозяин решил экономить на ремонте, а не на постояльцах. Кормят вкусно, номера чистые — и ладно.

Я закрыла глаза, потянулась к той тонкой нити силы, которая всегда жила гдето под рёбрами, тёплая и упрямая. Она отзывалась не сразу: откат ещё тянул из меня силы, будто ктото накинул на эту нить мокрый плащ. Но я упрямо тянула, собирала крупицы энергии, складывала их в знакомый ритм.

И вдруг… по коже пробежал знакомый холодок, кости тихо щёлкнули, меняя форму, шерсть скользнула под кожу, а вместо мягких подушечек на полу оказались босые человеческие ступни. Я глубоко вздохнула — и открыла глаза.

— Получилось, — прошептала я, чуть улыбаясь. Голос теперь звучал иначе — человеческим, без кошачьей хрипотцы. — Хоть чтото сегодня идёт как надо.

Я нашла взглядом небольшое зеркало на стене и улыбнулась сама себе.

— Ну что, Линда, ты жива, свободна и, как всегда, хороша. А значит, всё не так плохо! — подмигнула своему отра-

жению.

Как же приятно просто утром умыться и причесаться — не кошачьи прелести. Кошкой быть, конечно, удобно, но вот процедуры — так себе: потом полный рот шерсти, бе.

Из кольцахранилища достала сменную одежду: белую рубашку, кожаные штаны для езды верхом — плотные, но не сковывающие движения. А следом — те самые ботинки. За них в своё время я отдала хорошее колье — крупное, с тёмными агатами. Но я ни капли не жалела. Обувь — самая важная часть моей жизни и профессии. Не хочешь попасться — ступай тихо и мягко. А убегай быстро и легко. Эти ботинки как раз такие: подошва почти не шуршит, зато по камню и корням держит намертво.

Я провела ладонью по гладкой коже, будто проверяя, что всё на месте, и быстро переоделась. Рубашка приятно холодила кожу, штаны сели как влитые. Я пару раз присела, проверила, не тянет ли где ткань, не мешает ли двигаться. Всё было в порядке. Ни так, конечно, как у Шая, но тоже довольно удобно и практично.

Как раз в этот момент в дверь постучали, и в проёме показался Шай. Он замер на секунду, будто не сразу понял, кого видит, потом чуть приподнял бровь. Осмотрел меня с ног до головы, задержал взгляд на моих Кошачьих ушках и хвосте.

— Мило. Хвост просто чудо.

Ха, будто я сама не знаю. Хвост – моя гордость. Я мило улыбнулась, пошевелила ушками и взмахнула хвостом. Лю-

буйся инквизитор пока разрешаю.

— Ну, теперь хотя бы не придётся наклоняться, чтобы поговорить», — сказал он спокойно, но в голосе слышалось веселье.

Гад. Змеишество!

— Как самочувствие? Откат ещё тянет?

— Тянет, — честно призналась я. — Но уже не так сильно. Смогла перекинуться. Значит, силы понемногу возвращаются.

Он кивнул, будто это была самая важная новость за утро.

— Хорошо. Тогда слушай. Я как раз думал — про этот камень и почему он молчал два года. Дело не в самом камне. Дело в том, что его скорее всего «заглушили». Наложили на него печать — заклинание, которое гасит любую магическую активность. Его используют, чтобы артефакты не привлекали внимания. Печать держится ровно два года, если её не подпитывать. А в этом году… подпитки не было и теперь печать спала. Камень снова начал «фонить».

Я слушала, и кусочки головоломки медленно вставали на место.

— То есть… я украла его как раз тогда, когда на него наложили печать?

— Скорее всего, да, — кивнул Шай. — А потом, когда печать начала рассыпаться, магия стала просачиваться. И Орден это уловил и снова начал поиски.

Шай чуть нахмурился:

— Гельт уже готовит маршрут к шахтам. Сегодня вечером пойдём туда, где ты могла его потерять. И если он там… мы его найдём раньше ведьм.

Я кивнула, чувствуя, как внутри поднимается не страх, а злость — острая и полезная. Злость на тех, кто ставил печати, на тех, кто охотился, на саму судьбу, которая швыряла меня из одной беды в другую. Но теперь у этой злости было направление.

«— Тогда мне точно нужно поесть», — сказала я твёрдо.

Шай едва заметно улыбнулся — впервые понастоящему, не дежурно.

— Идём. На кухне хозяйка как раз ставит свежие булочки в печь. А пока ешь, расскажешь, какой маршрут помнишь возле шахт. Любая деталь может пригодиться.

Мы спустились вниз, в тёплый, шумный зал таверны. Пахло мёдом, корицей и жареным луком. Мальчишкапомощник тут же поднёс мне кружку горячего чая и тарелку с румяными булочками. Я взяла одну, откусила — и впервые за долгое время почувствовала, что могу дышать спокойно.

Пусть впереди Шахты. Пусть ведьмы. Пусть даже этот проклятый камень. Но сегодня я была в своём теле, рядом были те, кто не собирался меня сдавать, и у меня был план.

А этого пока хватало.

- Шархай, как думаешь почему ведьмы не искали меня, ладно камень, мы разобрались что там печать. Но я? Не проще было бы найти меня, а значит и камень?

Шай чуть наклонил голову.

— Скорее всего это уже сам камень, — тихо сказал он. — Не печать. Печать — это как накинуть плащ: снаружи не видно, но если знать, где искать, можно нащупать край. А тут… тут было не так.

Он провёл ладонью по столу, будто стирал невидимую пыль, и посмотрел на меня так, что стало ясно: он не собирается щадить меня красивыми объяснениями.

— У этого артефакта есть собственная магия. Древняя, упрямая. Такие вещи не любят, когда их используют. И если страж камня понял, что его хотят пустить в дело, он мог сам начать защищаться. А защита у него простая: спрятаться. И спрятать того, кто его держит.

Я невольно сжала пальцы, вспоминая, как в тот вечер меня будто чтото тянуло вперёд, заставляло сворачивать в самые тёмные проулки, бежать туда, где никто не ходит.

— То есть это не я такая умная была. Это он меня водил.

Шай чуть кивнул.

— Скорее всего. Ты бежала, потому что хотела выжить. А камень подстраивался под твой страх, делал тебя невидимой для чужих чар. Для ведьм ты была просто ещё одной тенью в переулке. Не стоящей внимания.

— Но ведь печать тоже была, — возразила я. — Ты сам говорил, что её наложили.

— Верно. Печать была. Но она работала как заглушка: не давала камню «кричать». А вот прятать тебя — это уже его

собственная работа. Две защиты сразу. Чужая и своя. И пока они работали вместе, ты была в безопасности.

Я вспомнила тот глухой, липкий туман в голове, когда пыталась вспомнить тот день.

— А моя память? Почему я ничего не помню?

Шай на секунду запнулся, будто сам не хотел произносить это вслух.

— Думаю, это тоже часть защиты. Страж камня не мог стереть твою память полностью — это слишком сложно. Но он мог приглушить твои воспоминания. Сделать так, чтобы ты сама не могла вспомнить, где была, что делала. Чтобы даже под давлением, даже если бы тебя схватили, ты не смогла выдать ни себя, ни его.

У меня по спине пробежал холодок.

— То есть я не просто забыла. Меня… стёрли.

— Не стёрли, — поправил Шай. — Приглушили. Как звук в комнате с толстыми стенами. Память осталась, просто до неё сейчас трудно добраться. И чем сильнее ты стараешься вспомнить, тем громче этот «шум» защиты.

- Ладно, с этим разобрались. Мысль и впрямь подходящая и теперь хоть есть объяснение тому что я категорически забыла тот день, опять же пока не увидела тебя. И тут два вопроса. Первый: в тот день мы встречались, и я даже случайно отобрала магию, каюсь есть у меня такое. Так сказать, подарочный набор проклятий с детства. При касании к магу я на сутки отбираю у него магию. Поэтому без перчаток

не хожу, но в тот день я собирала травы и знала, что рядом никого нет поэтому сняла их чтобы, не мешали. И за это отдельное извини!- смутилась. Решила сразу внести ясность в ситуацию ну и извиниться, думаю главному инквизитору не очень пришлось без магии.

Шай замер. Не резко, не испуганно — просто будто внутри него щёлкнуло чтото, и все движения стали чуть медленнее, будто он заново складывал картину из осколков.

— Так вот в чём дело, — тихо повторил он, глядя кудато мимо меня, в ту точку, где прошлое на секунду становилось видимым. — А ято думал, что это от ведьм прилетело. Удар по резерву, тишина в каналах… Я тогда решил, что они поставили на меня метку, чтобы сбить с ритма. А это была ты.

Я неловко переступила с ноги на ногу, чувствуя, как щёки горят. Не от страха — от стыда.

— Да. Прости. Я тогда вообще ни о чём не думала. Собирала травы, перчатки сняла, потому что мешали, а потом… потом просто потянулась к чемуто, что звало. И это оказался камень. А ты был рядом, и я… ну, сама не поняла, как задела.

Шай медленно кивнул, будто примерял эту правду к себе, как новую броню — тяжёлую, но нужную.

— Значит, в тот день ты не просто украла камень. Ты его спасла. Или он тебя.

— Но почему ты не искал меня? — снова спросила я, цепляясь за главное. — Ты же видел меня. Ты понял, что магия

пропала. Почему не поднял всех на уши?

Он помолчал, подбирая слова так, чтобы не звучать как инквизитор.

— Потому что я и так уже был там, чтобы остановить ведьм. В том лесу, в тот час. У меня был приказ: не дать им активировать камень. Я шёл по их следу, уже почти вышел на круг… и тут — пустота. Моя магия просто исчезла. На сутки. Я и не сразу обратил на тебя внимание. Ну кошка под ноги кинулась, ну бывает.

Он чуть усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья.

— Я остался без инструментов, без связи, без возможности ставить метки. Пришлось действовать старыми методами: ногами, глазами, ушами. А к тому времени, как резерв вернулся, след остыл. Ты исчезла. Камень исчез. И я решил, что ведьмы всётаки успели его забрать, а тебя… либо убили, либо забрали с собой.

— А я просто бежала, — тихо сказала я. — Просто хотела выжить.

Шай посмотрел на меня прямо, без снисхождения, без жалости.

— И ты выжила. И камень не активировался. Значит, ты сделала всё правильно. Даже не понимая, что делаешь.

Я хотела сказать «да ладно, просто повезло», но не стала. В этот раз не хотелось прятаться за шуткой.

— Получается, камень сам выбрал меня?

— Не обязательно, — поправил Шай. — Скорее, древние

артефакты такого уровня не любят, когда их используют как инструменты. У них есть воля. И если страж камня почувствовал, что его собираются пустить в дело, он мог искать того, кто хотя бы не даст довести ритуал до конца. А ты оказалась рядом. И у тебя есть эта особенность — гасить магию. Возможно, именно это его и привлекло. Ты не просто забрала мою силу на сутки. Ты создала «тишину». А в этой тишине камень смог спрятаться.

Я обхватила себя руками, будто пытаясь удержать эту новую правду, чтобы она не рассыпалась.

— То есть я не воровка. Я… хранительница. Против своей воли.

— Ты — та, кто не дал случиться беде, — спокойно сказал Шай. — Остальное — ярлыки. Их можно менять.

В коридоре послышались шаги, и в комнату заглянул Гельт. Он сразу понял, что мы не про маршруты говорим.

— Ну, вижу, дошли до главных вопросов. Надеюсь, без взаимных обвинений?

— Без, — кивнул Шай. — Наоборот. Теперь у нас есть объяснение, почему её не могли найти два года. Камень не просто был под печатью. Он прятал её. И, возможно, прятал себя.

Гельт прищурился.

— Тогда понятно, почему всплеск такой резкий. Печать спала, а страж камня больше не мог её удерживать. Он начал «кричать», и ведьмы услышали.

— И теперь они хотят не просто забрать камень, — добавила я. — Они хотят наказать того, кто его прятал. То есть меня.

— Нет, — Шай качнул головой. — Они хотят забрать то, что считают своим. А тебя… тебя они будут испо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.